

Участники конгресса смогли ознакомиться с выставками, организованными в связи с конгрессом. В Королевской библиотеке была открыта выставка редких рукописей: книг по Америке; в Зоологическом музее Копенгагенского университета экспонировался антропологический материал из Лагоа Санта, Бразилия; в Нормально-анатомическом институте Университета — краниологический материал по эскимосам.

Особенно много посетителей было на выставке мексиканской одежды, организованной в одном из залов Национального музея. Эта прекрасная коллекция мексиканской одежды и тканей была собрана Бодиль Кристенсен (Мексика) и специально привезена ею на конгресс. На торжественном открытии выставки собирательница коллекции сделала небольшой, но очень интересный доклад о типах мексиканской одежды и районах ее распространения.

Большой интерес у участников конгресса вызвала демонстрация этнографических фильмов. Проф. Поль Риве показал цветной фильм о современной мексиканской архитектуре. В качестве образца им было избрано здание университета в Мехико, в котором причудливо сочетаются современные архитектурные формы с изумительными индейскими мотивами. Большое впечатление произвел фильм, посвященный религиозным празднествам индейцев майя в честь Нового года. Фильмы демонстрировались в сопровождении индейской музыки, записанной на магнитофон. Небольшой документальный фильм о пребывании голландской королевы Вильгельмины в Суринаме дал возможность ознакомиться с пестрым национальным составом этой страны, увидеть ее коренное население — индейцев.

В один из вечеров во время работы конгресса состоялось торжественное открытие памятника — бюста Рассмусена, подаренного скульптором и ученым Айгилом Кнутом Датскому арктическому институту. Здесь же был организован просмотр этнографического фильма об эскимосах агмасалликах — жителях западной Гренландии. Фильм создан по замыслу Рассмусена и представляет собой почти точную регистрацию повседневной жизни эскимосов.

14 августа торжественным заседанием конгресс закончил свою работу. Самым важным его результатом, сказал его президент проф. Кай Биркет-Смит, являются те научные связи, которые здесь завязались. В своем выступлении проф. А. Дигби (Англия) выразил благодарность организаторам конгресса за то, что, пригласив советских делегатов, они дали возможность широким кругам американистов познакомиться с исследованиями в области американистики, ведущимися в СССР. Ученые разных стран имели возможность обмениваться мнениями по самым различным вопросам американистики, выяснить общие точки зрения и разногласия, а главное — убедиться в том, как много у них общих научных интересов.

И. А. Золотаревская, А. П. Окладников

5-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ

1—9 сентября 1956 г. в Филадельфии (США) состоялся пятый международный конгресс антропологов и этнологов. Идея организации таких конгрессов возникла лет 25 тому назад, и в апреле 1933 г. в Базеле на собрании этнографов было решено каждые четыре года собираться «для содействия международным связям и информации в области изучения физической антропологии, этнологии и родственных им дисциплин». В уставе конгресса указано, что «под названием антропологических и этнологических наук понимаются все дисциплины, которые ставят своей задачей изучение человека, а именно изучение рас, народов и цивилизаций». Первый конгресс состоялся в Лондоне в 1934 г., второй — в Копенгагене в 1938 г. После этого в связи с войной последовал десятилетний перерыв. Третий конгресс состоялся в 1948 г. в Брюсселе, четвертый — в Вене в 1952 г. На пятом конгрессе, состоявшемся в Филадельфии, было решено провести шестой конгресс в Париже в 1960 г.

На конгресс собралось около 700 ученых, представляющих научные учреждения и университеты 61 страны. Большинство участников конгресса составляли ученые США. Научные исследования в области этнографии, физической антропологии и археологии ведутся в США широким фронтом. Почти во всех университетах имеются соответствующие кафедры и большое число студентов, изучающих антропологию (в американском понимании этого слова, т. е. включая и этнографию). О широком интересе к проблемам этнографии свидетельствует и то, что преподавание этнографических знаний введено в программы старших классов средних школ, где отведены часы на ознакомление учащихся с этническим составом США, общими основами этнографии, археологии и т. д.

Наиболее активное участие в работах конгресса приняли старейший американский этнограф А. Л. Кребер (Калифорнийский университет), С. Такс (Чикагский университет), М. Херсковиц (Северо-западный университет в Эванстоне), Р. Билс (Калифорнийский университет). Президентом конгресса был избран известный американский исследователь в области археологии и этнографии народов Крайнего Севера, директор музея Пенсильванского университета Ф. Г. Рейни.

Английскую этнографию представляли крупнейшие британские ученые: Раймонд Фэрс, специалист по Океании, Мейер Фортез — африканист, Дарилл Форд — ныне ди-

ректор Международного африканского института и президент Королевского антропологического общества, К. Литтл из Эдинбургского университета и некоторые другие.

Французская этнография была представлена недостаточно. Глава французских этнологов Поль Риве с докладом не выступал. Отсутствовал выдающийся этнолог Леви Штраус. Совершенно не был представлен Институт Французской Черной Африки. В работе конгресса приняла участие группа этнографов-африканистов, связанная с Музеем Человека в Париже, а также африканисты Ж. П. Лебеф и К. Л. Лебеф и известный американец Альфред Метро, бывший на конгрессе представителем ЮНЕСКО.

Немецкая этнография была представлена весьма слабо. Назначенные на 3 сентября доклады В. Мюльмана и В. Коппера «Этническая ассимиляция и этногенез», «Этнология и всеобщая история» не состоялись. На конгрессе присутствовала небольшая группа австрийских этнографов: В. Копперс, Р. Гейне-Гельдерн и др.

Советский Сюз в первых четырех конгрессах не участвовал. В 1956 г. Академия наук СССР решила принять участие в конгрессе в Филадельфии и направила делегацию в составе трех человек: д-ра историч. наук И. И. Потехина (руководитель делегации), д-ра биол. наук Г. Ф. Дебеца и д-ра историч. наук Д. А. Ольдерогге. Каждый из членов делегации должен был выступить со своим докладом. Кроме того, делегация получила для распространения напечатанные доклады и тех советских этнографов и антропологов, которые не присутствовали на конгрессе. Советским ученым была дана возможность выступить на пленарных заседаниях с докладами о состоянии и достижениях этнографии и антропологии в СССР¹.

От стран народной демократии на Конгрессе присутствовали польские ученые — лингвист Роман Стопа, антропологи К. и Е. Стольхво, а также венгерский археолог Я. Немешкери.

Работа конгресса проходила на пленарных заседаниях и в секциях. Текущей работой конгресса руководил Постоянный комитет под председательством президента конгресса Ф. Г. Рейни; в состав Постоянного комитета были введены и представители советских ученых.

Всего было проведено, не считая открытия и закрытия конгресса, три пленарных заседания, посвященных обзору состояния мировой науки в области этнографии, физической антропологии и археологии.

Первое пленарное заседание — вечером первого дня конгресса — было посвящено вопросам этнографии. Известный английский этнограф Раймонд Фэрс (Лондонская школа экономики) прочел доклад о современных направлениях в британской этнографии; венский этнограф Р. Гейне-Гельдерн (Институт народоведения при Венском университете) — о современном развитии этнологической теории в Европе; И. И. Потехин — о состоянии этнографической науки в СССР; Ралф Билс (Калифорнийский университет в Лос-Анжелосе) — о современных направлениях в американской этнологии.

Первый доклад содержал изложение принципов английской этнографии. Доклад Р. Гейне-Гельдерна был посвящен главным образом Германии и Скандинавским странам; французские, итальянские и испанские этнографы были упомянуты бегло, а Восточная Европа оставлена без рассмотрения; в докладе не было поставлено принципиальных вопросов, и он имел характер весьма краткого обзора состояния этнографии в Западной Европе. И. И. Потехин в своем докладе довольно подробно охарактеризовал задачи и состояние этнографической науки в СССР. Последний из докладчиков, Р. Билс, дал сжатую характеристику американской этнографии, но не с точки зрения проблем, стоящих перед ней, а скорее в виде отчета, сопроводив доклад сведениями о числе защищенных диссертаций по годам, по разделам науки и по районам изучения.

Нам представляется полезным остановиться на двух из этих докладов — Фэрса и Билса. Доклад И. И. Потехина не нуждается в изложении, так как итоги развития этнографической науки в СССР недавно обсуждались на Этнографическом совещании, состоявшемся весной 1956 г. в Ленинграде.

Раймонд Фэрс в своем сообщении охарактеризовал современное состояние британской этнографии. После смерти Малиновского, а позднее Радклиф Брауна, бывшего общепризнанным главой британских этнографов, английская этнография, по словам докладчика, оказалась обезглавленной, и в настоящее время нет единой фигуры, возглавляющей всю британскую этнологию. Этнографическую работу в Англии теперь ведут несколько старших этнографов, имеющих приблизительно равное значение. По

¹ Среди членов конгресса были распространены следующие печатные доклады советских ученых: П. И. Борисковский, Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним; Г. Ф. Дебеч, Основные итоги палео-антропологических исследований в СССР; Б. О. Долгих, Родоплеменной состав народов Сибири в XVII веке; М. Г. Левин, Антропологические типы Сибири и их генезис; В. П. Любин и А. А. Формозов, Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет (1946—1955); Д. А. Ольдерогге, Происхождение языка хауса; А. И. Першиц, Проблемы истории первобытного общества в советской этнографии; Л. П. Потов, Применение историко-этнографического метода к изучению памятников древнетюркской культуры; И. И. Потехин, Родовые отношения в системе социальных отношений современной африканской деревни.

мнению Фэрса, наступило время выполнить то, что намечалось еще в конце жизни Радклифа Брауна, а именно пересмотреть его взгляды. «Послевоенные годы были годами накопления полевых материалов, теперь же требуется период освоения их (digestion)». Главную задачу британских этнографов, по мнению Фэрса, по-прежнему составляет изучение социального строя отдельных общественных групп, и в первую очередь — отношений родства. Изучение это должно вестись методами структурного анализа, который, как мы знаем, характеризует работы английских этнографов последнего времени. В настоящее время в работах английских этнографов первое место занимает изучение Африки, по сравнению с чем исследование Юго-Западной Азии и Океании отступило на второе место. Значительно больше, чем прежде, привлекают к себе внимание проблемы этнографии Индии и Среднего Востока. В области исследования социальных отношений совершенно ясно намечается отказ от изучения первобытно-общинных отношений и стремление изучать более развитые общества, или, говоря словами самого Фэрса, «существует стремление от простой изолированной примитивной сельской местности перейти к изучению развитых, сознательно допускающих связи с внешним миром, городских общин, которые являются симптомом растущих социальных систем». Вместе с этим на очереди стоит «изучение изменяющихся идеологий и образования новых классовых группировок и профессиональных категорий».

Говоря более привычным для нас языком, британские этнографы постепенно переходят от изучения первобытно-общинных отношений к изучению классового общества со всеми его особенностями. Однако они, по-видимому, не учитывают качественного отличия первобытного общества, не знающего классов, от общества, основанного на классовых взаимоотношениях, и поэтому не учитывают, что отношения родства, господствовавшие при первобытно-общинном строе, сменились качественно новыми отношениями. Для британских этнографов, как говорит Фэрс, «по-прежнему жизненной чертой этнографических исследований остаются проблемы изучения родства, но уже в городском индустриальном обществе». Семья, по их представлению, играет основную роль, и ее исследование важно для изучения социальных проблем в сфере медицины и образования. Вместе с этим намечается стремление перейти от изучения стран Востока и Африки к исследованию того, что Фэрс называет «западным типом общества», или, как бы мы сказали, к изучению проблем капиталистического общества. В этом отношении Фэрс признает, что англичане в отличие от своих американских коллег не считают себя достаточно подготовленными для изучения собственного общественного строя, а лишь сознают эту необходимость. Путь исследования — постановка «микросоциологических штудий» в развитых индустриальных городских центрах.

Другой стороной этнографических исследований является изучение того, что Фэрс называет «изменением» (change). «Чем более наше внимание устремляется на изменение, — говорит Фэрс, — тем более мы видим в нем нормальное выражение отношений». «Признание того, что общественные изменения являются объектом изучения, а не субъектом его, ставит перед нами теоретические проблемы условного структурного анализа, контуры которого постепенно начинают вырисовываться». Британская этнография, по мнению Фэрса, характеризуется «эмпирическим, а не абстрактным, интересом к изучаемым проблемам», причем роль этнографа не сводится к роли простого наблюдателя, напротив, «он должен быть создателем, а не простым описателем».

Фэрс настаивает на строгом различении истории и псевдо- или квази-истории. Однако, чувствуя, что этнографы школы Малиновского слишком пренебрегали историей, Фэрс замечает: «Дело обстоит примерно так, как происходит с человеком, для которого правда столь драгоценна, что он редко ею пользуется; так и мы настолько уважаем историю, что слишком часто воздерживаемся от ее использования». Указывая на работы южноафриканского, теперь английского, этнографа Шапера, изучавшего Моффата и Ливингстона, Фэрс говорит, что в настоящее время исторические данные привлекаются гораздо шире, чем прежде. Надо сказать, что это признание весьма характерно, так как свидетельствует об известном отходе от одного из основных положений функционализма, основоположник которого Малиновский достаточно категорически и резко возражал против применения исторической перспективы и нередко злоупотреблял выпадами против «псевдо-истории». Весьма характерно также, что Фэрс в своем докладе признал «неудовлетворенность работами чисто структурального характера», сознавая «ограниченность статистического характера всех составляющих его понятий». Чтобы преодолеть эту неудовлетворенность и ограниченность, необходимо, говорит Фэрс, глубже изучать «изменения» и изучать их в смене «ценностей». Но здесь мы подходим к двум основным понятиям, которые господствуют в настоящее время в англо-американской этнологии и социологии, понятием «изменения» (change) и «ценности» (value). Эти два вопроса были темой беседы англо-американских этнологов с двумя членами нашей делегации (Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехиным), которая состоялась на специальном заседании в предпоследний день конгресса (о чем ниже).

Доклад Ральфа Билса резко отличался по своему характеру от доклада Фэрса. Если внимание английского докладчика было устремлено на принципиальные вопросы методологического характера, то доклад американца Билса был скорее официальным отчетом, основанным на данных «Ежегодника антропологии» за 1955 г. Тем не менее многие данные этого доклада для нас весьма любопытны. Сведения, приведенные в докладе Р. Билса о количестве докторских диссертаций по этнографии,

защищенных в американских университетах, показывают размах этнографических исследований в послевоенной Америке. Оказывается, что за последнее десятилетие (1945—1954) защищено докторских диссертаций больше, чем за предыдущие пятьдесят лет (1895—1944): 297 и 294. Еще более характерно географическое распределение тематики диссертаций. За десятилетие 1925—1934 гг. по Африке, например, было защищено 3 диссертации, а за десятилетие 1945—1954 гг. — 19; по Азии соответственно — 2 и 24, по Латинской Америке — 3 и 43. Диссертации, посвященные англо-американскому миру, в 1925—1934 гг. составляли в общем числе диссертаций — 58,1%, а за последнее десятилетие — 45,0%. Такое перемещение сферы интересов американских ученых вполне понятно: оно отражает изменение внешней политики правительства США, развернувшего после второй мировой войны широкую экспансию в странах Азии, Африки и Латинской Америки и направляющего внимание ученых на изучение этих стран. Рассматривая диссертации с точки зрения их содержания, докладчик отметил уменьшение числа исследований, посвященных проблемам диффузии и историческим реконструкциям, и увеличение числа исследований структуральной-функционального характера. Преобладают среди них аналитические исследования, посвященные структуре, функции и динамике изменений. За последние годы увеличилось число диссертаций по прикладной антропологии.

Другое пленарное заседание было посвящено заслушиванию обзорных докладов по физической антропологии: Дж. П. Шпулера (Мичиганский университет, США) «Современные достижения генетики», А. П. Шульца (Цюрихский антропологический институт, Швейцария) «Значение современного приматоведения для антропологии», Дж. С. Вейнера (Музей Оксфордского университета, Великобритания) «Значение исследований пильдаунской и сванкомбской находок для современного понимания эволюции человека» и, наконец, Г. Ф. Дебеца (Институт этнографии, Москва, СССР) «Современное состояние антропологии в Советском Союзе».

На третьем пленарном заседании было прочитано три обзорных доклада по археологии: по Западной Азии Р. Брейвуд из Чикагского университета, по Америке И. Руза из Харвардского университета и по Европе Г. Гжессинга из университета в Осло. К сожалению, в составе советской делегации не было ни одного археолога, и поэтому как пленарное заседание, так и работа соответствующей секции прошли без участия представителей советской науки.

Основная часть работы конгресса проходила в секциях. Больше всего докладов было заслушано в секции этнологии, работа которой проходила на шести заседаниях. Секция этнографии заседала пять раз, секции физической антропологии, археологии Нового Света, рас и эволюции человека и секция доистории — по четыре раза каждая. Секции социальной организации, аккультурации, прикладной антропологии и секция диффузии и этноистории провели по три заседания, секции лингвистики, этнопсихологии, этномусикологии, музеологии, религии, политической организации и агрикультурной этнологии — по два заседания. Наконец, секции искусства, экономики, типологии фольклора, этнолингвистики, типологии культуры, циркумполярной этнографии и секция, посвященная проблеме ценности (value), заседала по одному разу. Всего состоялось около шестидесяти заседаний отдельных секций, на каждом из которых было заслушано четыре-пять докладов. Ежедневно в различных помещениях происходили заседания пяти-шести секций, и на них за время работы конгресса было заслушано более трехсот докладов.

В первый день работы конгресса на секции этнографии один из членов советской делегации — проф. Д. А. Ольдерогге, как один из двух председателей секции, открыл ее заседание. На заседании были заслушаны доклады трех французских делегатов, учеников известного французского этнографа Марселя Гриоля. Гриоль, один из учеников Поля Риве, в течение многих лет возглавлял работу французских этнографов в Эфиопии и Французской Западной Африке. Широко известны его книги по этнографии и искусству народов Эфиопии. В Париже, в Музее Человека, нам довелось ознакомиться с привезенными им из Эфиопии образцами религиозной живописи и богатыми этнографическими коллекциями. Им же было собрано много эфиопских рукописей, которые дополнили парижские собрания. Однако несравненно большее значение для этнографии имели исследования Гриоля в Западном Судане. Первый из заслушанных на секции докладов — д-ра Жермены Дитерлен — был посвящен результатам экспедиции Гриоля во Французский Судан в 1931—1956 гг. Этот доклад как бы подвел итоги работ этого выдающегося, недавно скончавшегося, этнографа. Доклад Соланж де Гане «Организация взаимопомощи у бамбара Французского Судана» был посвящен описанию обычая этого народа. Докладчица охарактеризовала принципы организации взаимопомощи, деятельность тон-тиги — руководителя отрядов взаимопомощи — и все виды работ, выполняемых этими группами, и показала их общинно-родовой характер. Третий доклад, Д. Загана, был посвящен медицине бамбара. Докладчик пытался вывести весь лечебный опыт знахаря-лекаря из мировоззрения догон, которое пронизано, будто бы, определенными мистическими, или астральными, соотношениями. В зависимости от соответствия различных частей человеческого тела элементам четырех стихий, светилам и т. п. определяется курс лечения. В этом докладе с особой ясностью проявились некоторые черты современной французской этнографии, присущие небольшой группе ученых, о чем можно судить на основании знакомства с литературой. Здесь не место входить в рассмотрение работ этого направления;

нельзя, однако, не сказать, что ненужный и необоснованный мистицизм мешает пониманию культуры и мировоззрения народов. Не случайно доклад вызвал многочисленные вопросы и замечания, которые ясно показали отношение к нему аудитории.

Из большого числа докладов, прочитанных в секции этнологии, следует выделить несколько докладов, посвященных общетеоретическим вопросам: М. Херковица «Культурный релятивизм и его критика», Фредерика де Лагуна «Некоторые проблемы объективности в этнологии», Д. Бидней «Миф и история в теории антропологии», В. Голдшмидта «Культура и поведение человека», В. Гротанелли «Ловля черепах с помощью присасывающейся рыбы: конвергенция или диффузия?»

О культурном релятивизме, обоснованию и защите которого был посвящен доклад М. Херковица, будет сказано ниже. Фредерика де Лагуна поставила вопрос, волнующий этнографов всех стран: насколько точно этнографические описания отображают действительность, как элиминировать влияние субъективного фактора? Правильно поставив этот вопрос, она в своих выводах доходит, однако, до другой крайности, призывая к голому эмпиризму, к отказу от оценок и теоретических выводов. В. Гротанелли в своем интересном докладе рассказал о ловле черепах с помощью рыбы-прилипалы, практикуемой только у восточного побережья Африки, на севере Австралии и у берегов Кубы; однако он не дал определенного ответа на поставленный в названии доклада вопрос: конвергенция или диффузия? — хотя все же склонен рассматривать данные явления как диффузию.

На заседании лингвистической секции большой интерес представили доклады Джозефа Гринберга о новой классификации языков Центральной и Южной Америки, С. Ф. Веглина об основных направлениях в американской лингвистике, В. Ван-Бюлка о культурных кругах и лингвистических группах, П. Гарвина о современном языке гуарани. В лингвистической секции был прочитан доклад члена советской делегации Д. А. Ольдерогге, посвященный проблеме происхождения хауса. На основании лингвистических данных Д. А. Ольдерогге доказывал связь этого языка с семито-хамитскими языками Северной Африки, в частности отмечая морфологическую и лексическую связь его с языком древнего Египта. По докладу выступил известный бельгийский лингвист Ван-Бюльк, сообщивший, что на основании его собственных исследований в Судане в 1951 г. ему удалось обнаружить новые языки, относящиеся к группе хауса. Данные эти еще не опубликованы, но Ван-Бюльк после заседания любезно передал докладчику список обнаруженных им языков.

В заседании секции социальной организации был поставлен доклад И. И. Потехина «Родовые отношения в современной африканской деревне». Доклад этот привлек к себе внимание многих этнографов, и на него явились не только члены секции, но многие виднейшие этнографы: Кребер, Форд, Мейер, Фортес, Херковиц и другие. Доклад вызвал много весьма острых вопросов и замечаний.

В секции агрикультурной этнологии Д. А. Ольдерогге зачитал подготовленный проф. С. А. Токаревым обзор состояния исследования истории земледелия в СССР. Весьма интересен заслушанный в этой секции доклад «Плужный комплекс, культурное изменение и устойчивость культуры» Пауля Лезера, ученого, известного своим капитальным исследованием по истории плуга. Разбирая понятие культурного комплекса, установившееся в американской этнологии, Лезер показывает его неприменимость к истории развития плуга. По мнению докладчика, говорить о плужном комплексе не приходится, так как черты, составляющие этот комплекс, встречаются в отдельности и не обязательно функционируют вместе, что необходимо для наличия комплекса. Длинный и интересный доклад Лезера кончается весьма неутешительным выводом: «Иногда элементы культуры, в которых ощущается определенная нужда, не изобретаются, не распространяются и даже не заимствуются. С другой стороны, иногда элементы культуры воспринимаются и в том случае, если они не лучше, а даже хуже тех элементов, которые они заменили». Вывод, особенно безнадешный, имея в виду, что речь идет об истории техники. Создалось впечатление, что докладчик ограничился рассмотрением структуры плуга, не учитывая особенностей почвы и характера земледельческих культур; тем самым рассмотрение технологии плуга лишилось должной научной основы.

Антропологические доклады, кроме специальной секции физической антропологии, были заслушаны в секции доистории и секции рас и эволюции человека. Заседания этих трех секций не совпадали во времени.

Несмотря на то, что на международных научных съездах антропология объединяется с этнографией, проблемы этнической антропологии отнюдь не являлись главным предметом внимания на данном конгрессе. Антропологи США, составлявшие, естественно, наиболее многочисленную делегацию, за последние годы работают главным образом над морфологическими темами. Это отразилось и на антропологической тематике конгресса. Большое внимание уделялось проблеме роста в связи с разнообразными условиями среды. Этим вопросам были, в частности, посвящены доклады С. Алькобе (Барселона) и Е. Стольхово (Краков). Даже палеоантропологические материалы рассматривались преимущественно не в отношении распределения тех или иных расовых типов, а в биологическом плане, с точки зрения палеодемографии, которая начинает теперь оформляться в самостоятельную отрасль знания. Эти вопросы рассматривались в докладах Я. Немешкери (Будапешт) и Л. Анджела (Филадельфия). Развитие исследований в этой области, имеющее значение не только для антропологии, но и для истории, стало возможным лишь на основе внимательного

отношения к костным остаткам человека и успехов в технике их консервации. Естественно, что только при условии сохранения костей скелетов из всех погребений, костные остатки человека могут быть использованы для демографического исследования. В СССР таких материалов, к сожалению, еще очень мало.

Много внимания в современной антропологии уделяется изучению крови. Помимо различных групп крови исследуются также вариации строения эритроцитов, многие из которых наследственны. Обзору современных достижений в этой области, сопровождаемому демонстрацией карт распределения аномальных эритроцитов, был посвящен доклад Г. Лемана (Лондон). На развитии этой отрасли антропологической науки весьма отрицательно сказывается отсутствие данных о населении СССР, где антропологи после 1940 г. почти совершенно не уделяют внимания изучению крови.

Из числа докладов о приматах особое внимание привлекло сообщение Ж. Вандербрука (Лувен) о черепе шимпанзе *Pan paniscus*. Автор собрал 75 черепов, изучение которых показало, что этот вид антропоидов стоит гораздо ближе к человеку, чем все остальные.

Новые данные об ископаемом человеке палеолитической эпохи сообщил Дж. Ф. Эвинг (Нью-Йорк). При раскопках в Кшар-Акиле (Ливан) были найдены фрагменты верхней челюсти неандертальца и череп 7—8-летнего ребенка современного вида (*Homo sapiens*). Результаты новых исследований палеолитического человека в СССР изложил Г. Ф. Дебец (Москва). В этом же докладе были подведены итоги изучения в СССР физического типа человека более поздних эпох (неолита, бронзового и железного века). Кроме доклада советского делегата, на эту тему было заслушано только одно сообщение Х. Сузуки (Токио), в котором сопоставлялись результаты изучения черепов доисторического, средневекового и современного населения Японии.

Изучению расового состава современного населения, т. е. теме, которая составляет основное содержание антропологических работ в СССР, был посвящен доклад Г. Филда (Гарвардский университет, США). Все исследованные люди фотографировались на цветной пленке, что, несомненно, весьма увеличивает ценность собранной документации. Г. Ф. Дебец изложил общие результаты достижений советских исследователей по антропологической классификации народов СССР.

Большой интерес для антропологов представляет доклад Л. Чиприани (Флоренция), который провел несколько лет на Андаманских островах. На Малом Андамане еще сохранилось несколько сот представителей народа онги. На Большом Андамане коренное население почти истреблено, но в центре острова все же еще живет около сотни человек, совершенно не вступающих в контакт с европейцами и с индийскими властями.

Остальные доклады были посвящены различным частным вопросам, преимущественно в области морфологии и генетики человека.

Советский делегат Г. Ф. Дебец благодаря любезности проф. В. М. Крөгмана имел возможность ознакомиться с работой лаборатории по изучению роста при Центральном детском госпитале в Филадельфии. Работы этой лаборатории характерны для современного состояния антропологии в США. Все пациенты проходят через эту лабораторию, которая дает заключение об уровне физического развития ребенка по отношению к его календарному возрасту, на основании данных о развитии костной системы, зубов, степени полового созревания и т. п. Все пациенты фотографируются при помощи рентгеновского аппарата. Около 600 детей фотографируются ежегодно, что позволяет установить реальные темпы и ритмы развития отдельных органов.

Советский делегат работал также над изучением горизонтальной профилировки черепов индейцев в антропологическом отделе Национального музея США, где встретил самый радушный прием. Вследствие недостатка времени возникла необходимость работать в вечерние часы — соответствующее разрешение было получено немедленно.

Международный конгресс, в котором советский антрополог участвовал впервые после 30-летнего перерыва (в 1927 г. советские антропологи были на конгрессе в Амстердаме), несомненно, способствовал установлению связей между антропологами СССР и зарубежных стран. Нельзя не отметить, однако, что один человек не мог в достаточной мере представить советскую антропологию и что на предстоящем шестом конгрессе, который состоится в Париже в 1960 г., советская антропологическая делегация должна быть увеличена. Можно надеяться, что к этому времени советские антропологи хотя бы частично смогут ликвидировать отставание, которое имеет место в ряде отраслей антропологической науки (гематологические исследования, изучение дерматоглифики, работы по морфологии человека).

Как уже отмечалось выше, в конце работы конгресса была частным образом, по инициативе проф. С. Такса, организована встреча советских этнографов с американскими и английскими учеными для обмена мнениями по некоторым общим вопросам, вызывающим глубокие разногласия. Из американских ученых присутствовали С. Такс, Р. Фэрс, Д. Форд, С. фон Фюрер-Хеймендорф, Пит-Риверс, М. Фортес и К. Литтл. Лоуэл, Л. Крадер, Р. Брайдвуд и Ф. Эгган. Из англичан в беседе участвовали Р. Фэрс, Д. Форд, С. фон Фюрер-Хеймендорф, Пит-Риверс, М. Фортес и К. Литтл. Беседа проходила в весьма благоприятной для обмена мнениями обстановке и вылилась в острую научную дискуссию между советскими и англо-американскими этнографами.

В программу беседы было включено три вопроса: теория культурного релятивизма, теория «ценности» и вопрос о социальных отношениях. Обменяться мнениями по последнему вопросу, к сожалению, не удалось из-за недостатка времени.

Что такое культурный релятивизм? Что такое «ценность»? Эти два понятия тесно между собой связаны. В процессе дискуссии обнаружилось, что мы не можем выяснить теорию культурного релятивизма, не договорившись о понятии «ценность».

Сущность культурного релятивизма сводится к отрицанию прогресса и замены его понятием «изменение» (change). По мнению М. Херсковица, нельзя говорить ни о каком прогрессе или регрессе. Все только изменяется. Все культуры равноценны. Нет культур высших или низших. В этом, несомненно, нашла свое отражение отрицательная реакция определенных кругов американской интеллигенции в отношении расизма. Однако, отрицая высшие культуры, М. Херсковиц отрицает и прогресс: с его точки зрения культура бушменов и культура, скажем, Франции равноценны. Говорить, как это делают советские этнографы, об отсталых народах, о необходимости поднять их культуру и т. п. по мнению Херсковица, — бессмысленно. Поскольку все культуры, по его мнению, равноценны, он, как это ни парадоксально, при самых лучших побуждениях фактически недалеко от позиций Малиновского, желавшего увековечить отсталость колониальных народов. С точки зрения многих американских этнографов, позиция М. Херсковица ошибочна, и обычное их возражение заключается в том, что он не учитывает моральной стороны дела. Утверждая равноценность всех культур и не признавая моральной оценки, он тем самым, говорят они, оправдывает фашизм, который тоже является одним из «видов культуры» в понимании этого слова американскими этнографами.

М. Херсковиц и его сторонники признают, что в обществе происходят изменения. Но кто может судить, какие из этих изменений ведут общество вперед, какие ведут назад, какие из них полезны человечеству, какие вредны? Все зависит от отношения к этим изменениям, от оценки их. Это отношение к явлению, оценка его и есть «ценность». Но чье отношение, чья оценка — индивидуума, класса, общества, — на этот вопрос наши собеседники не могли дать согласованного ответа. То общее, что объединяет их в понимании «ценности», это отрицание объективной истины: по их мнению, объективной истины нет, всякая истина субъективна.

В основе всех этих рассуждений лежит отрицание объективной закономерности в развитии общества. В частных беседах представители теории культурного релятивизма обвиняли нас в однолинейной интерпретации общественных явлений, противопоставляя ей свою, многолинейную, интерпретацию. Но эта теория не нова. Это известная теория факторов, давно распространенная в реакционной социологии. Сущность ее сводится к отрицанию принципа причинности, лежащего в основе научного понимания законов развития природы и общества.

Сторонники теории культурного релятивизма не признают последовательности в смене социально-экономических формаций, да и само понятие «социально-экономическая формация» они подменяют понятием «тип цивилизации» или «тип», «модель культуры». Они отрицают, что различные «типы цивилизации» являются лишь последовательными этапами единого исторического процесса.

Следовательно, «новые» теории в американской этнографии — теории культурного релятивизма и «ценности» — совсем не являются новыми.

Подводя итоги нашим многочисленным встречам и беседам с английскими и американскими учеными, мы констатируем определенные изменения в теоретических позициях англо-американской этнографии. Наиболее влиятельные еще недавно функциональная и психологическая школы, подвергавшиеся в современной научной литературе резкой критике, отходят в прошлое.

Мы с удовольствием отметили высказанные в докладе Раймонда Фэрса призывы к историзму, к этнографическому изучению классовых обществ, к более широким теоретическим обобщениям. Сторонники психологической школы были мало заметны на регрессе. За последние годы она подвергалась критике и со стороны этнографов США. Большую роль в этом сыграл Нью-Йоркский съезд этнографов 1952 г. Однако распространение теорий культурного релятивизма и «ценности» едва ли может существенно укрепить научные позиции американской этнографии.

Пятый международный конгресс в Филадельфии явился значительным событием в развитии мировой этнографической науки. Конгресс был действительно международным как по числу представленных на нем стран, так и по характеру научных направлений. Присутствие советских ученых, не участвовавших в первых четырех конгрессах, значительно усилило его международный характер. Для советской делегации особое значение конгресса состоит в том, что впервые представилась возможность широко ознакомиться с зарубежными учеными с состоянием и основными теоретическими установками советской этнографии и антропологии, завязать широкие связи, многочисленные личные контакты. В беседах с руководящими деятелями американской этнографии нам удалось наметить некоторые конкретные мероприятия по обмену научной информацией. Нет сомнения, что участие советской делегации в работах конгресса окажет положительное влияние как на развитие советской этнографии, так и на развитие этнографической науки в других странах.

По окончании заседаний конгресса советская делегация имела возможность проехать в Вашингтон для работы в Национальном музее естественной истории и ознако-

миться с экспозицией этого музея. Мы посетили также находящуюся в Вашингтоне библиотеку конгресса. Из Вашингтона наша делегация направилась в Чикаго, где нас принимал проф. Соль Такс. Мы ознакомились с Чикагским музеем естественной истории, его экспозицией и фондами, а затем проехали в Чикагский университет, где осмотрели антропологический отдел, библиотеку университета и музей при Восточном институте университета. Из Чикаго мы направились в Эванстон, где находится Северо-западный университет, и были весьма радушно приняты там проф. М. Херсковидцем. Мы осмотрели и в этом университете отдел антропологии, библиотеку, беседовали с ректором и, кроме того, посетили Эванстонскую высшую школу (соответствующую старшим классам нашей средней школы).

Знакомство с научными учреждениями и постановкой музейного дела в США было очень полезно. Еще до начала работы конгресса мы имели возможность ознакомиться с Американским музеем естественной истории в Нью-Йорке; таким образом, членам нашей делегации удалось посетить четыре крупнейших музея США: этнографические музеи Нью-Йорка, Филадельфии, Вашингтона и Чикаго.

В заключение надо отметить исключительно дружественный прием, оказанный нам со стороны руководства конгресса, в частности, его президента проф. Рейни и всех ведущих этнографов Америки. В честь советской делегации было устроено во время конгресса несколько приемов, и ее участие в заседаниях конгресса специально отметили в своих речах на заключительном обеде старейшие члены и руководители конгресса — профессора А. Кребер и Поль Риве. Нашу делегацию дружелюбно встречали и этнографы Нью-Йорка — проф. В. Стронг, Юниус Берд, Пауль Фейош и многие другие, этнографы Вашингтона — М. В. Стирлинг, Ф. М. Зейлер и др. Особенно следует отметить радушный прием проф. Соль Такс в Чикаго и проф. Херсковица в Эванстоне.

Г. Ф. Дебец, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин

ПОЕЗДКА В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

В сентябре 1956 года автор настоящей статьи и кандидат исторических наук Н. Н. Грацианская выехали в научную командировку в Чехословакию. Наша поездка длилась два месяца. Она преследовала как научно-организационные, так и исследовательские цели. Одной из важных задач, стоявших перед нами, было привлечение этнографов и фольклористов Чехословакии к участию в подготовке к публикации тома «Народы Центральной и Юго-Восточной Европы», входящего в большое серийное издание «Народы мира», осуществляемое Институтом Этнографии АН СССР¹. Мы должны были помочь в организации авторского коллектива в соответствующих институтах Чехословацкой (Прага) и Словацкой (Братислава) академий наук для написания большого раздела тома, посвященного народам Чехословакии, а также обсудить с чешскими и словацкими учеными программу этой коллективной работы, уточнить ее структуру и т. п. Другой существенной задачей нашей поездки было ознакомление с работой и накопленными научными материалами различных этнографических учреждений Чехословакии. Что касается научно-исследовательской работы, то главной целью ее был сбор полевого этнографического материала по типам поселений и жилищ (как старых, так и новых, особенно тех, которые появились в результате строительства социализма) в Словакии и, частично, в Чехии, так как эта тема разрабатывается в Институте этнографии АН СССР Н. Н. Грацианской.

Во время нашего пребывания в Праге, Брно и Братиславе были проведены специальные совещания и консультации с чешскими и словацкими этнографами и фольклористами, на которых были подробно обсуждены и приняты программа работы над разделом «Народы Чехословакии» и его структура. При институтах этнографии Чехословацкой и Словацкой академий наук для выполнения этой важной работы были созданы авторские коллективы, в состав которых вошли крупные специалисты в области этнографии и фольклористики народов Чехословакии (например, акад. Горак, доктора Мяртан, Фойтик, Крамаржик, Странская, Балаш, Ковачевичова и др.). В эти авторские коллективы вошли также молодые специалисты-этнографы, получившие известность своими исследовательскими работами (О. Нагодил, О. Скалниковая, Б. Филова и др.). Следует отметить, что, кроме этнографов и фольклористов, в авторских группах принимают участие такие выдающиеся ученые в области археологии и истории, как, например, акад. Эйснер, проф. Гуса и др. Высококвалифицированный состав авторских коллективов, ясное понимание их участниками ответственности и сложности поставленной задачи, весьма внимательное отношение к этой работе со стороны руководства институтов этнографии Чехословацкой и Словацкой академий наук дают уверенность в том, что ученые Чехословакии, участвующие в подготовке упомянутого тома серии «Народы мира», прекрасно выполняют свою работу и во второй половине 1957 г. соберутся для обсуждения первого варианта намеченных программой работ.

За время поездки мы имели возможность ознакомиться с состоянием работы и научными материалами многих этнографических учреждений Чехословакии. К ним

¹ См. вышедшие в этой серии тома: «Народы Африки», М., 1955; «Народы Сибири», М.—Л., 1956; «Народы Австралии и Океании», М., 1956.